

KOMISJA FRAZEOLOGII SŁOWIAŃSKIEJ
MIĘDZYNARODOWEGO KOMITETU SŁAWISTÓW

Instytut Filologii Słowiańskiej
Uniwersytetu Szczecińskiego
Szczecin, Polska

Instytut Języka Rosyjskiego
im. W.W. Winogradowa
Rosyjskiej Akademii Nauk
Moskwa, Rosja

Instytut Filologii Obcych
Uniwersytetu
Ernsta Moritza Arndta
Greifswald, Niemcy

SŁOWO. TEKST. CZAS X

***Jednostka frazeologiczna
w tradycyjnych i nowych paradygmatach
naukowych***

pod redakcją
Michaiła Aleksiejenki i Harrego Waltera

Szczecin – 2010 – Greifswald

Елена Ничипорчик
Гомель, Беларусь

**ДИСКУРС → ТЕКСТ → ДИСКУРС → ТЕКСТ...
(ПАРЕМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ФИКСИРОВАННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ
ДИСКУРСИВНОГО ПРОЦЕССА)**

В окружающем человека мире есть множество реалий, и среди них, по праву, можно выделить текстовые реалии, понимаемые нами как фиксируемые человеческим сознанием продукты речевой деятельности, характеризующиеся способностью существовать во времени в той или иной материальной оболочке. О чём может сказать текст паремии, если мы попытаемся реконструировать связь текста, обнаруживающего способность накапливать информацию [2, 42], с человеком, его продуцирующим, воспроизводящим, воспринимающим, то есть обратимся к дискурсам, конкретным воплощениям жизни текста – актам первичной, связанной с продуцированием, и вторичной, связанной с воспроизведением, коммуникаций? Отталкиваясь в данном случае от понимания текста как своеобразной упаковки дискурса [2, 42; 5, 82], позволим себе сделать предположение, что и такой тип информации (назовём её дискурсивной), может обнаруживать свою манифестацию в семантике, синтактике и прагматике паремий.

Дискурсивная информация не исчерпывается «предметным» содержанием паремического текста, отражающим коллективный опыт познания мира, и не сводится к прагматическому компоненту значения паремий, связываемому с целевыми установками говорящего. Дискурсивная информация отражает выстраиваемую в нашем сознании ассоциативную связь текста с элементами реальных и виртуальных речевых ситуаций, а следовательно, так или иначе воспроизводит структуру речевого акта. Весьма показательными в этом отношении являются словарные дефиниции паремий, включающие в свой состав и стилистические коннотации, и указание на происхождение, условия и цели употребления паремиологических единиц: «Не знала баба горя (забот, хлопот), <так (да)> купила порося. *Ирон.* Сам себе доставил много лишних хлопот, беспокойства. *Говорится (иногда с недовольством, осуждением) о себе или о ком-л. в связи с появлением новых, часто неожиданных и не совсем приятных забот, затруднений от сделанных приобретений, добровольно принятых на себя дел*

и обязанностей» [4, 18]; «Деньги не пахнут. Неважно, что способ зарабатывания денег вызывает осуждение, они от этого не обесцениваются. Циничный ответ на упрёк в том, что избранная кем-л. деятельность незаконна, предосудительна, унижительна и т. п. Пословица восходит ко времени правления римского императора Веспасиана (69—79 гг. н. э.), который обложил налогом общественные уборные в Риме. Когда его сын Тит выразил неудовольствие по этому поводу, Веспасиан поднес к его носу деньги из первой суммы, которую дал этот налог, и спросил, пахнут ли они. Ответ был отрицательным: “Non olet” (букв. Не пахнет)» [4, 99].

Итак, составляющими дискурсивной информация являются:

1. информация об авторе паремии (точнее, протовыражения, подвергнувшегося с течением времени паремиологизации):

- ✓ его (автора) этнической принадлежности,
- ✓ социальном положении,
- ✓ половой принадлежности,
- ✓ потребностях и предпочтениях,
- ✓ релевантных для его сознания ценностях и др.

2. информация о гипотетическом пользователе паремии:

- ✓ его коммуникативных намерениях,
- ✓ коммуникативной компетентности,
- ✓ потребностях и предпочтениях,
- ✓ релевантных для его сознания ценностях и др.

3. информация о языковом коде:

- ✓ эпохе создания паремиологической единицы,
- ✓ исконном или заимствованном её происхождении,
- ✓ территории распространения,
- ✓ степени актуальности кодируемой информации,
- ✓ регулярности/ нерегулярности структурно-семантической модели,
- ✓ степени выразительности и др.

4. информация о референте:

- ✓ носителе признака,
- ✓ характере признака,
- ✓ положении признака на шкале оценок и др.

5. информация об условиях использования паремии:

- ✓ побудительных причинах обращения к высказыванию;
- ✓ типизированных обстоятельствах развёртывания дискурса.

В принципе, отталкиваясь от текста паремии, мы можем прогнозировать даже перлокутивный эффект – ожидаемую реакцию адресата. Не нужно, однако, ошибочно полагать, что дискурсивная информация манифестирована в тексте паремии в полном объёме. Обращение к материальной оболочке текста представляет лишь базу для актуализации целого комплекса фоновых знаний, необходимых для расшифровки импликаций, свойственных тексту паремии.

В связи с выявлением скрытой в текстах паремий дискурсивной информации своей задачей считаем определение механизмов вывода знаний такого рода, формальных опор, сигнализирующих о «значимой среде, в которую погружены собственно знаковые значения высказываний и текстов» [3, 28]. Рассмотрим в рамках данной статьи ту часть дискурсивной информации, которая имеет отношение к первичным актам коммуникации, а именно к продуценту паремии.

Отправным пунктом для рассуждений об авторстве паремий и вообще о целесообразности постановки такого вопроса считаем то, что любая коммуникативная единица, независимо от того, приобретает ли она способность к деконтекстуализации и последующему воспроизведению в условиях новых контекстов или нет, имеет своего конкретного автора. Наши представления о коллективном авторстве паремий обусловлены тем, что становление паремии как относительно устойчивой, воспроизводимой единицы является длительным процессом, подразумевающим участие множества лиц. Однако протовыражение, утратившее с течением времени связь со своим продуцентом, всё же существовало, и следы этой связи могут обнаруживать своё проявление в паремическом тексте как «фиксированном результате» дискурсивного процесса [2, 37].

Характеристика паремии с точки зрения её происхождения в этом смысле есть не только характеристика собственно языкового кода, используемого для выражения той или иной идеи, но и одновременно характеристика продуцента паремии по его этнической принадлежности. Паремологи отмечают, что экспликаторами такого рода информации могут быть:

1) лексические средства – это, в первую очередь, разного рода онимы (антропонимы, гидронимы, топонимы, зоонимы и др.), наименования специфических для того или иного этноса предметов быта, орудий труда, продуктов питания и др.;

2) поэтические структуры, а в частности, создаваемые на основе фигур переосмысления образы, отражающие национальные мифологические воззрения, особенности наглядно-чувственного восприятия мира;

3) семантико-синтаксические структуры, посредством которых означиваются специфические когнитемы, вербализуются сюжеты, отражающие обычаи, верования и т.п. того или народа.¹

Понятно, что разноязычные поговорки, звучащие на разных языках, то есть различающиеся своей языковой оболочкой, в нашем сознании закономерно относятся к различным национальным паремиологическим фондам. Однако в каждом паремиологическом фонде присутствует тот или иной процент заимствований с разной степенью освоенности в языке-преемнике. Среди заимствованных поговорок есть такие, которые любой рядовой носитель языка будет считать «своими», и такие, которые имеют явные признаки чужеродности, кроме вышеперечисленных признаков, это может быть также тяжеловесность, «неповоротливость» фразы, книжная коннотация лексических единиц, отсутствие простоты, лаконичности, народно-поэтической экспрессивности выражения. По этой причине не только выражения *Два арбуза в одной руке не удержишь, Лучше быть головой кошки, чем хвостом льва*, но и *Лучше десятерых виновных простить, чем одного невинного казнить, Appetit приходит во время еды*, несмотря на их фиксацию в сборниках русских пословиц и поговорок², будут восприниматься нами всё же как «какие-то нерусские», привнесённые извне единицы.

Не является совершенно размытым образ продуцента поговорки и в социальном плане. На социальную среду (отчасти и эпоху), породившую паремиологические единицы, указывают в первую очередь лексические единицы, представляющие компонентный состав поговорок. Релевантен в этом отношении как денотативный, так и коннотативный макрокомпонент значения лексем. Неслучайно в «Напутном» В.И. Даль, обращаясь к сопоставлению двух вариантов поговорок: варианту, отредактированному, «искажённому» теми, кто «нисходит к просторечию, позволяя себе иногда

высказаться пословицей» – *Десять раз примерь, один раз отрежь*, и исходному (в данном случае коннотативно сохраняющему признаки своего социального происхождения) – *Десятью примерь, однава отрежь*, сетует по поводу того, как много утрачивает паремия, адаптируясь к новым условиям коммуникации [1, 6].

Рассуждая о том, в какую социальную среду следует обращаться с целью поиска паремий, В.И. Даль пишет: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; в образованном и просвещённом обществе пословицы нет, попадают слабые, искалеченные отголоски их, переложённые на наши нравы или испошленные не русским языком, да плохие переводы с чужих языков. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык < ...>. И кто же станет поминать в хорошем обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче рубаху и подоплёку? А если заменить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословицы, а сочиняется пошлость, в которой намёк весь выходит наружу. < ...> Пословицы и поговорки слагаются только впору первобытной простоты речи < ...>» [1, 6]. Филологически точно В.И. Даль в этих рассуждениях определяет языковые средства, играющие роль «маркёров менталитета»³ русского крестьянства. Мы не сделаем в связи с этим ошибки, если будем утверждать, что творцом паремий *Скотинку водить, не разиня рот ходить; Хочешь есть калачи, так не сиди на печи; Сеяли рожь, а косим лебеду; Дожили до клюки, что ни хлеба, ни муки; Горе горемыка: хуже лапотного лыка; Ты от него (т.е. от горя) тетеришься, а оно к тебе голубится; Сняв с кобылки хомут, да на мерина прут; Смелому горох хлебать, а несмелому и щей не видать; А где щи – тут нас и ищи; Жена без мужа что хомут без гужа* является простой русский крестьянин, потому что мы опирались при этом на эти самые маркёры менталитета отдельной социальной группы: лексические и в том числе поэтические средства, указывающие на круг привычных для продуцента паремии вещей, позволяющих создать такой образ мира, который соответствует имеющимся в сознании говорящего наглядно-чувственным представлениям, синтаксические структуры, которые указывают на сферу непринуждённого, спонтанного общения. Представитель иной социальной группы внутри одной языковой общности, к примеру, образованный дворянин, будет изъясняться на «другом» языке, с

использованием иной лексики, иных понятийных категорий, иной синтактики, порой намеренно избегая семантических примитивов при вербализации своего художественного видения мира: *Книга – это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему на его место* (А. Герцен); *Говорить есть не что иное, как возбуждать в слушателе его внутреннее слово* (В. Одоевский); *Живя с людьми, не забывай того, что ты узнал в уединении. И в уединении обдумывай то, что ты узнал из общения с людьми* (Л. Толстой); *Музыка – это разум, воплощённый в прекрасных звуках* (И. Тургенев); *Женщины без мужского общества блекнут, а мужчины без женского глупеют* (А. Чехов)⁴. Даже небольшого экскурса в русскую литературную афористику XIX века достаточно, чтобы убедиться в том, что независимо от эпохи продуцирования паремических и афористических текстов представителями одной и той же нации, социальные различия продуцентов тех и других текстов существенно влияют и на сам характер выражаемых при этом идей, и на выбор понятийных категорий, в которых происходит формирование мыслей, и на языковое воплощение этой мысли.

Могут обнаруживаться в тексте паремии и так называемые средства конструирования гендерной идентичности⁵. Нельзя утверждать, однако, что проявление гендерной характеристики, связываемой с принадлежностью к определённому полу продуцента паремии, явление закономерное, напротив, паремические тексты в большинстве своём характеризуются снятостью гендерного параметра. Тем не менее нельзя игнорировать и факты закономерного проявления социального пола при конструировании паремиологической картины мира, особенно это касается тех её фрагментов, которые связаны с характеристикой представителей того или иного пола.

Изучение русских паремий, в которых речь идёт о женщинах (жёнах, бабах) или они упоминаются в связи с дефиницией иных объектов, позволило выявить целый ряд показателей мужского авторства такого рода паремий.

1) Местоимение посессив (*моя, наша*) при номинации *жена*, реже других номинациях, называющих женщин, как проявление мужской посессивности: *И моя жена крапива, да и на нее мороз пал; Жена моя полседа для меня; Что кому за дело, что жена моя не бела: я и сам не хорош; От нашего ребра нам не ждать добра;*

2) Авторское я тексте паремии (текст от первого лица) наряду с другими экспликаторами принадлежности высказывания мужчине: мужской род предиката, мужской род прономинативных или атрибутивных конкретизаторов при местоимении я, упоминание о жене, теще с позиций их обладателя: *Я думал, идут двое, ан мужик с бабой; Согрешил я перед господом, что люди меня оженили; И я бы шел на войну, да жаль покинуть жену; Не в Польше жена, не больше меня; Помилуй, господи, тещу да жену: а сам-то я и как-нибудь проживу; Прости меня, моя мила, что ты меня била (говорит муж жене); Хоть родила суку да кобеля, да не тронь до меня (наказывают мужья из дальних мест сродникам своим о жене);*

3) Обращения к жене: *Жена, ты любить не люби, а поглядывай!; – Жена, а жена, любишь ли меня? – А? – Аль не любишь? – Да. – Что да? – Ничего;*

4) Оценочно-маркированные номинации – негатив в оценке женщин, употребление феминизма в негативном лексическом окружении: *Всех злыдней злее жена злая; Червь дерево пилит, а злая жена дом изводит; День ворчит, ночь верещит – плюнь, да сделай!; Бабий язык, куда ни завалишь, достанет; Бабий кадык не заткнёшь ни пирогом, ни рукавицей; Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке; Лучшие хлеб есть с водою, чем жить со злою женою;*

5) Гендерно специфические единицы лексикона, в том числе метафоры, свидетельствующие о маскулинном восприятии мира: *Нет такого зелья, как жена (баба) с похмелья; Силен хмель, сильнее хмеля сон, сильнее сна злая жена (и спать не дает); Жена – дурочка, да талия рюмочка; Железо уваришь, а злой жены не уговоришь; Бабе хоть кол на голове теши; Без жены как без шапки; Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить; Три друга: отец, да мать, да верная жена-подруга;*

6) Прямая либо косвенная рекомендация использовать негативную модель поведения в отношении к женщине: *Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, еще хочет; Не закладывайся: за овин, за мерина да за жену (сгорит, убьет, согрешит); Бабе спустишь – сам баба будешь; Кто с бабой свяжется – сам баба будет; Кто бабе поверит, трех дней не проживет;*

7) Выражение досады, сетования, предостережения на фоне негативной оценки женщины: *Стели бабе вдоль, а она меряет поперек; Из дому жена, а из лесу змея (т. е. выживает); Худо дело, коли жена не велела; Нет досадней, как своя же дворяжка на тебя лает; Женисься раз, а заплачешься век; Бывала ль у тебя беда? Умирывала ль у тебя жена?*

Аналогичными в плане их установления являются и показатели феминного авторства текста о представителях мужского пола: *Худ мой Устим, да лучше с ним; Хоть плох муженек, да затулье мое; завалюсь за него – не боюсь никого; Был у меня муж Иван – не приведи бог и вам; Вижу и сама, что муж мой без ума; Пусть бы побился, да и утонул (говорит жена), а то бить бьет, а топиться нейдет; С мужем – мужа; без мужа – и того хуже; а вдовой да сиротой хоть волком вой; Побереги, бог, мужа вдоль и поперек, а я без него ни за порог.*

Итак, если представить в системе средства конструирования гендерной идентичности в паремических текстах, а ими являются характер и ракурс оценки, наличие/отсутствие квантора всеобщности для объекта оценки, наличие в составе паремии гендерно специфической лексики, использование при компонентах *муж, жена* лично-притяжательных местоимений, функционирование этих компонентов в качестве обращений, направление ассоциативных связей, в которых осуществляется характеристика объекта, коммуникативная направленность паремии и др., то очевидно, что значимыми для считывания дискурсивной информации, касающейся авторства паремий, могут быть формальные, лексико-семантические и прагматические признаки паремического текста. Для расшифровки иных составляющих дискурсивной информации, имплицированной паремическим текстом, в качестве ориентирующих опор, как мы убедились, выступают также не только представления о микро- и макроконтексте использования паремии человеком, но и характеристики самого языкового кода как материализованного результата дискурсивного процесса.

Примечания:

¹ См. работы: Пермяков Г.Л., *Избранные пословицы и поговорки народов Востока*. Москва 1968, с. 23-25; Григас К.И., *Литовские пословицы*. Вильнюс 1987, с. 9; Кокаре Э.Я., *Интернациональное и национальное в латышских пословицах поговорках*. Рига 1978, с. 48, 61.

² В качестве источников фактического материала для написания статьи использованы следующие сборники: Даль В.И., *Пословицы русского народа*. Москва 2005; *Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки* / Сост. А.А. Разумов. Москва 1957; Зимин В.И., Спирин А.С., *Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь*. Москва 1996; *Русские пословицы и поговорки*. Сост. Е.Ю. Нецименко. Москва 2002.

³ Е.В. Иванова, пользуясь данным терминологическим сочетанием, со ссылкой на других исследователей утверждает, что при анализе менталитета, проявляющегося в языковой картине мира, необходимо учитывать как общенародные его черты, так и черты, свойственные отдельной социальной группе, так как менталитет разных социальных групп внутри одной языковой общности может существенно различаться. См.: Иванова Е.В. *Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие*. Санкт-Петербург 2006, с. 49.

⁴ Источником материала послужил словарь: Королькова А.В., *Словарь афоризмов русских писателей*/ А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов; Под рук. А.Н. Тихонова. Москва 2004.

⁵ О средствах конструирования гендерной идентичности и переменной интенсивности проявления гендерного параметра см.: Кирилина А.В., *Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации*. "Кавказоведение. Caucasiology" 2002, №2, с. 134-141; Кирилина А.В., *Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах*. [В:] Гендерные образования в системе высшей и средней школы: состояние и перспективы: Материалы международной научной конференции, Иваново, 24-25 июня 2003 г. Иваново 2003, с. 117.

Литература:

1. Даль В.И., *Пословицы русского народа*. Москва 2005.
2. Дымарский М.Я., *Проблемы текстообразования и художественный текст*. Санкт-Петербург 1999.
3. Никитин М.В., *Курс лингвистической семантики: учебное пособие к курсам языкознания, лексикологии и теоретической грамматики*. Санкт-Петербург 1996.
4. *Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц*. В.М. Мокиенко, Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов и др. Под ред. В.М. Мокиенко. Москва 2007.
5. Формановская Н.И., *Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика*. Москва 2007.